

EDN: ZMDTPN
УДК 343.2/.7

The Effectiveness of the Criminal Law Norm: Systems Approach

Vasilii V. Baburin^a, Aleksei N. Tarbagaev^{b*}
and Petr L. Surikhin^b

^a*Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Omsk, Russian Federation*

^b*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 28.05.2022, received in revised form 27.12.2022, accepted 27.02.2023

Abstract. It so happened that in the theory of criminal law it is customary to study separately the crime, separately the punishment, separately the disposition of the criminal law norm and its sanction. In this approach, we see the reason why criminal punishment, both provided for by a sanction and imposed by a court sentence, sometimes does not correspond to the social danger of a crime, that is, ultimately, the reason for the insufficient effectiveness of criminal law norms. The method of system modeling clearly shows this, allowing you to detect the relationship of these elements, correctly organize them, understand the patterns of functioning of the system of punishments, and, as a result, ensure the effectiveness of the system of criminal law norms.

In particular, functional models of systems have been developed: crimes, criminal law, punishments. The processes of the impact of the system of criminal law on the system of crime are described. Circumstances have been established that testify to the insufficient systemic nature of the criminal law norm and punishments, through which their effectiveness is blocked. Concrete proposals are made to improve the systems of criminal law and punishments: the criminal law impact should be focused on the purpose of the crime, the instigator and organizer of the crime (with complicity in the crime); it is necessary to introduce new types of punishments that are able to ensure the goals of punishment and the criminal law norm; formalized the process of improving the effectiveness of the system of punishments and criminal law.

Keywords: crime, criminal law norm, criminal punishment, system of punishments, efficiency of criminal punishment, effectiveness of criminal law norm, system, system modeling, system analysis, systems theory.

Research area: law.

Citation: Baburin V. V., Tarbagaev A. N., Surikhin P. L. The effectiveness of the criminal law norm: systems approach. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 690–704. EDN: ZMDTPN

Эффективность уголовно-правовой нормы: системный подход

В.В. Бабури^а, А.Н. Тарбагаев^б, П.Л. Сурихин^б

^а*Омская академия МВД России*

Российская Федерация, Омск

^б*Сибирский федеральный университет*

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Так сложилось, что в теории уголовного права принято изучать отдельно преступление, отдельно наказание, отдельно диспозицию уголовно-правовой нормы и ее санкцию. В этом подходе мы видим причину, по которой уголовное наказание, как предусмотренное санкцией, так и назначенное приговором суда, иногда не соответствует общественной опасности преступления, то есть в конечном счете причину недостаточной эффективности уголовно-правовых норм. Метод системного моделирования наглядно это показывает, позволяя обнаружить взаимосвязи данных элементов, верно организовать их, понять закономерности функционирования системы наказаний и, как следствие, обеспечить эффективность системы уголовно-правовых норм.

В частности, разработаны функциональные модели систем: преступления, уголовно-правовой нормы, наказаний. Описаны процессы воздействия системы уголовно-правовой нормы на систему преступления. Установлены обстоятельства, свидетельствующие о недостаточной системности уголовно-правовой нормы и наказаний, через которые блокируется их эффективность. Сделаны конкретные предложения по совершенствованию систем уголовно-правовой нормы и наказаний: уголовно-правовое воздействие должно быть сосредоточено на цель преступления, подстрекателя и организатора преступления (при соучастии в преступлении); необходимо введение новых видов наказаний, которые способны обеспечить цели наказания и уголовно-правовой нормы; формализован процесс совершенствования эффективности системы наказаний и уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: преступление, уголовно-правовая норма, уголовное наказание, система наказаний, эффективность уголовного наказания, эффективность уголовно-правовой нормы, система, системное моделирование, системный анализ, теория систем.

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Цитирование: Бабурин В. В., Тарбагаев А. Н., Сурихин П. Л. Эффективность уголовно-правовой нормы: системный подход. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 690–704. EDN: ZMDTPN

Введение в проблему исследования.

Научные исследования проблематики уголовного наказания пока не содержат эффективных решений (Вутко, 2018). У нас нет модели системы наказаний, которая бы отвечала современным угрозам в сфере борьбы с преступностью (Necherurenko, 2017), или, как утверждают отдельные авторы, она практически отсутствует как таковая (Surikhin, 2019; Podroikina, 2018). Данное обстоятельство существенно влияет на эффективность уголовно-правовой нормы.

Идеи, лежащие в основе настоящего исследования, дают основание полагать, что существующая проблема требует не столько детальной проработки, сколько концептуального осмысления, причем не изолированно, но исключительно в контексте проблематики уголовного права в целом. Попытаемся разобраться, абстрагируясь от реальности современных концепций и методов их разработки, поскольку она в силу своей логики затрудняет возможность выйти из замкнутого круга и обойти расставленные логические ловушки.

Концептологические основания исследования. Полагаем, подходящим средством достижения поставленной цели будет системный анализ на основе положений общей теории систем (Gaides, 2005), поскольку только он, по нашему мнению, может объединить в одной логике такие базовые уголовно-правовые категории, как преступление, уголовно-правовая норма и наказание (Baburin, 2015).

Постановка проблемы. Один из основных постулатов теории систем состоит в том, что весь мир – это одна большая система, которая состоит из подсистем, а подсистемы являются вложенными во внешнюю систему, обусловлены ей и работают на нее (Averyanov, 1985). Таким образом, уголовное право можно представить как внешнюю систему по отношению к системе наказаний, последняя является ее частью, порождена системой уголовного права и работает на решение ее задач. Вместе с тем отождествлять так называемую в теории уголовного права систему наказаний (виды наказаний) или даже все, что с ней связано,

с системой наказаний как с подсистемой уголовного права – не совсем верно. Системой наказаний в уголовном праве называют обладающий определенными признаками перечень видов наказаний, который не является собственно системой в строгом смысле этого слова. А при таких условиях нельзя говорить о ее эффективности, она заведомо непредсказуема: преступники совершают преступления, их наказывают, но преступления продолжают совершаться. В этом проявляются признаки недостаточной системности наказания в уголовном праве, а соответственно, и неэффективности или низкой эффективности уголовно-правовых норм, содержащих в своей структуре конкретные виды наказаний. Здесь, стоит оговориться, мы исходим из того, что основная цель закрепления, назначения и исполнения наказания – предупреждение рецидива, в том числе пенитенциарного. На предупреждение преступлений, совершаемых впервые, наказание влияет очень мало. Здесь действуют другие причины, что предполагает применение других средств воздействия на поведение людей. Система наказаний в уголовном праве это всего лишь результат применения законодательной техники того или иного качества, но не нормотворчества в целом. Он невольно «скрывает» за собой реальные процессы наказания преступника, его достоинства и недостатки, в том числе недостаточную системность. Это исходное положение вещей, с которого начинаются наши размышления.

Обсуждение. I. Система преступления. Начнем с того, что эффективное решение задач уголовного права обеспечивается наличием адекватных уголовно-правовых норм. Речь идет в данном случае о таком варианте адекватности, как соответствие, обеспечение справедливости наказания за совершенное преступление. Из этого следует, что уголовно-правовые отношения в своей основе, с позиции теории систем, предполагают наличие двух противоборствующих систем – преступления и уголовно-правовой нормы. Первая разрушает общественные отношения, вторая охраняет их. Система уголовно-правовой

нормы должна быть нацелена на решение задач уголовного права путем разрушения системы преступления. (Что представляет из себя первая и вторая системы – отдельный сложный вопрос моделирования функциональных систем, мы раскроем их дальше по тексту.) А чтобы разрушение было эффективным, требуется знать, как устроена система преступления (Surikhin, 2021). Таким образом, изучение этой логической конструкции необходимо начинать с системы преступления.

Представление о преступлении в уголовном праве носит статический характер – деяние (общественно-опасное, противоправное, виновное, уголовно наказуемое), содержащее признаки конкретного состава преступления. Такая конструкция весьма удобна для квалификации преступления, но не для назначения наказания, т.е. того, для чего эта квалификация осуществляется. Статическое представление о преступлении не раскрывает его процесс, не раскрывает преступление как деятельность, а саму деятельность как управление действием, как совокупность целеустремленных действий. Современное представление о преступлении не отражает природу того, что является сутью конкретного преступления. Все это существенно препятствует его анализу в целях создания адекватной уголовно-правовой нормы, которая бы эффективно обеспечивала решение задач уголовного права.

Преступление – это юридическая конструкция, обладающая признаками системы, соответственно, можно построить функциональную модель этой конструкции и понять, как, с чем и для чего она работает. Такие знания с очевидностью покажут точки приложения усилий и их меру для разрушительного воздействия на систему преступления – вид, размер или срок необходимого наказания – для осуществления охраны общественных отношений.

При построении функциональной модели системы преступления постараемся изначально размышлять максимально абстрактно в целях обеспечения простоты в таком сложном деле. Возьмем за осно-

ву общий состав преступления как совокупность объективных и субъективных признаков. Постараемся «разложить» эти признаки на структуру элементов функциональной модели абстрактной системы. Это самое сложное, творческое действие в нашем случае, оно обеспечивает представление о преступлении как о системе.

Давайте представим, некий субъект (вменяемое физическое лицо достигшее возраста уголовной ответственности), сформулировав преступную цель, выбрав объект посягательства (конкретные охраняемые общественные отношения, объект состава преступления), осознавая фактический характер и общественную опасность своего деяния, предвидя наступление общественно-опасных последствий, с желанием их наступления (виновно, с прямым умыслом), совершает задуманные им действия, которые приводят к определенным последствиям с точностью, определяемой развивающейся причинной связью (признаки объективной стороны состава преступления).

Согласно положениям общей теории систем (Gaides, 2005), функциональная модель абстрактной системы с известной степенью детализации состоит из ряда обязательных элементов: цель, блок управления, блок исполнения, вход, выход, связи этих элементов. Цель определяет блок управления, последний – блок исполнения. Система работает с информацией (и только с информацией!), поступающей на входе, и выдает новую информацию на выходе, которая должна отвечать требованиям поставленной цели, быть целесообразной.

Если описанные выше признаки деяния (умышленного преступления) наложить на элементы системы, то получим следующее:

1. Цель преступления – это цель системы.
2. Вина (субъективная сторона) – это блок управления.
3. Общественно-опасное деяние – блок исполнения.
4. Объект преступления – информация на входе системы.

5. Общественно-опасные последствия (поврежденный объект) – информация на выходе системы.

Данная модель функционирует примерно следующим образом:

1. Цель преступления формирует умысел.

2. Согласно умыслу, подбирается общественное отношение, посягательство на которое способно обеспечить реализацию преступной цели.

3. Осуществляется посягательство на общественное отношение.

4. Наступают общественно-опасные последствия, объекту причиняется существенный вред.

5. Измененное общественное отношение сопоставляется с целью – соответствует ей (преступная цель реализована) или не соответствует (цель не реализована).

Таким образом, мы описали структуру системы умышленного преступления и ее функцию. Этим уже можно пользоваться для того, чтобы попытаться разрушить эту систему преступления.

Нужно сделать небольшое отступление. У неосторожных преступлений, как известно, не может быть целей, входящих в субъективную сторону. Но это не исключает существования цели неосторожного преступного деяния, лежащей за пределами состава преступления. Система неосторожных преступлений в общем-то аналогична системе умышленного преступления, но имеет свою специфику. Речь можно вести в данном случае не о цели преступления, а о цели осознанного и целенаправленного поведения, выразившегося в совершении неосторожного преступления. Мы не будем отвлекаться на эту проблематику в настоящей работе, она заслуживает отдельного внимания.

Чтобы определить точки приложения усилий для разрушения системы преступления, отметим некоторые, в нашем случае, важные закономерности, свойства систем вообще. Цель системы – системообразующий элемент; другие элементы системы организуются вокруг цели. Система существует пока есть цель. Таким образом,

система преступления существует пока вышестоящая система (внешняя среда) ставит эту цель перед человеком – это еще одно из свойств систем. Пока система преступления не будет лишена цели, до тех пор будут совершаться преступления.

В подобной ситуации следует действовать одновременно в двух направлениях: системно совершенствовать уголовно-правовую норму так, чтобы она разрушала систему преступления через лишение целесообразности совершения преступления, и совершенствовать общественные отношения (внешнюю среду) в целях разрушения установки на совершение преступления (процесса формирования преступной цели), в том числе посредством уголовно-правового запрета (криминализации) конкретных общественно-опасных деяний. При этом нужно понимать, что с помощью уголовного права вполне реально снизить число повторных преступлений, включая рецидив. Но практически невозможно повлиять на причины совершения преступлений.

С одной стороны, система уголовно-правовой нормы должна заставлять человека отказываться от преступной цели, если она уже сформировалась, а с другой стороны, внешняя среда (вышестоящая система) изначально не должна позволять формироваться преступной цели в сознании человека. Это положение особенно актуально применительно к умышленным преступлениям. Воздействие на другие элементы системы преступления, совершаемого единолично, в рассмотренной ситуации видится малоэффективным.

До настоящего момента нами подразумевалась ситуация, когда преступление совершается, так называемым случайным преступником единолично с внезапно возникшим умыслом. Если же у виновного формируется заранее обдуманый умысел, стадии совершения преступления имеют существенную протяженность во времени, присутствуют подготовительные действия с объективной стороны, если преступление совершается в соучастии – имеет место управление с распределением преступных

ролей, то вполне эффективным будет разрушительное воздействие не только на преступную цель, но и на другие элементы системы преступления: блок управления, блок исполнения, выход системы или даже на ее вход.

Здесь мы будем использовать такое свойство системы, как процессный подход, когда она по своей сути реализует процесс обработки информации. Чтобы снизить эффективность системы (частично или полностью заблокировать достижение цели), необходимо затормозить или полностью остановить процессы обработки информации, либо включить так называемые паразитные процессы. Это возможно в нашем случае посредством воздействия на соучастников преступления или на блок управления единоличного преступника.

Если просто описать рассматриваемый момент, не углубляясь в проблематику соучастия в преступлении, то такое воздействие можно представить следующим образом: соучастники, реализующие свои роли на разных стадиях совершения преступления, должны нести уголовную ответственность наравне с исполнителем как элементы одной системы преступления. Более того, нисколько не умаляя общественную опасность исполнителя, предполагаем, что подстрекатель (тот, кто формирует цель системы преступления) и организатор (тот, кто обеспечивает функционирование системы) могут заслуживать более строгого наказания, чем принято в современной судебной практике. Учитывая высокую принципиальную значимость для формирования и функционирования системы таких ее элементов, как цель и блок управления, наказание подстрекателя и организатора, возможно, должны быть даже строже, чем наказание непосредственного исполнителя преступления. В том числе это относится и к неоконченной преступной деятельности этого вида соучастников, если, например, исполнитель отказывается от исполнения преступления или не может довести его до конца. Как думаем, подобный подход весьма эффективно будет тормозить или даже блокировать процессы системы пре-

ступления, а соответственно, и наступление общественно-опасных последствий на ее выходе.

В ситуации, когда речь идет о единоличном преступнике или отдельно взятом соучастнике, воздействие на их «персональный» блок управления может носить не только репрессивный, но и поощрительный характер в виде освобождения от уголовной ответственности или ее исключения в связи с добровольным отказом от реализации преступного замысла.

Когда вход и выход системы преступления связаны с общественным отношением, предметом которого являются, например, предметы материального мира, то вспомогательное разрушительное воздействие на систему преступления возможно и через эти предметы – конфискация похищенного, незаслуженно присвоенного, ограниченного в свободном обороте имущества и т.п. Но обратим внимание, что воздействие на вход и выход системы часто носит обязательный уголовно-процессуальный характер, особенно когда речь идет о конкретном преступлении, и не оказывает принципиального воздействия на систему преступления, если применяется вне комплекса других мер, поскольку при этом система преступления сохраняет возможность функционировать.

Обобщая изложенное, учитывая значимость элементов для системы, приоритеты уголовно-правового воздействия на элементы системы преступления можно расставить, по мере убывания его эффективности, следующим образом:

1. Разрушение механизмов, формирующих цель, в том числе путем воздействия на участников, формирующих цель у других.
2. Разрушение механизмов, обеспечивающих управление, в том числе путем воздействия на участников, обеспечивающих управление.
3. Воздействие на участников, непосредственно исполняющих преступление.
4. Воздействие на материальные результаты преступной деятельности, материальные условия, их обеспечивающие.

Полагаем, только такие приоритеты уголовно-правового воздействия на систему преступления могут обеспечить более эффективный подход борьбы с преступлениями через их причины, а не следствия. Кроме того, еще раз обратим внимание, что уголовно-правовое воздействие в части формирования цели системы преступления должно быть направлено как на саму систему преступления, так и на внешнюю систему (внешнюю среду), которая ставит цель для системы преступления. При этом существование в обществе самих отношений, например собственности, нельзя считать постановкой цели для совершения преступления. Но постановкой цели в данном случае будет пропаганда необоснованного обогащения, легкой наживы, нивелирование честного труда.

II. Система уголовно-правовой нормы. Критические точки системы преступления теперь обнаружены. Далее необходимо представить и описать противостоящую ей систему уголовно-правовой нормы (Surikhin, 2020), которая, осуществляя адекватное уголовно-правовое воздействие на установленные критические точки, разрушала бы систему преступления.

Изначально следует констатировать факт, что уголовно-правовые нормы применяются практически, и они достаточно эффективны в своей совокупности. В то же время общеизвестно, что уголовно-правовая норма не полностью соответствует общепринятым представлениям о структуре нормы в теории права, не вполне очевидна ее система. Последнее должно было бы заведомо лишать норму эффективности, поскольку это несистемная конструкция, но этого не происходит. Обе конструкции (структура и система уголовно-правовой нормы) жизнеспособны, вместе с тем существующие противоречия, непроработанность данного вопроса создают условия для, в известной степени, произвольного конструирования уголовно-правовых норм. А это, как мы понимаем, недопустимо.

Если говорить конкретно, в теории права принято считать, что правовая норма состоит из трёх элементов: гипотезы, дис-

позиции и санкции. Логика данных элементов также общепринята: «если..., тогда..., иначе...». При анализе уголовно-правовой нормы обычно приходят к выводам об отсутствии некоторых из этих элементов. Рушится при этом и должная логика.

Существуют следующие основные точки зрения об устройстве уголовно-правовой нормы:

1. Статьи Общей части состоят только из диспозиции; статьи Особенной части состоят из диспозиции и санкции (Rarog, 2008). В качестве возражения на это утверждение следует заметить, что статья уголовного закона не тождественна норме уголовного права. Одна норма может быть рассредоточена в нескольких статьях как Общей, так и Особенной части УК.

2. Норма Особенной части состоит из гипотезы, диспозиции и санкции. Гипотеза не приводится в тексте уголовного закона, она подразумевается и имеет следующий вид: «...если кто-либо совершит убийство...». Диспозиция представляет собой определение конкретного деяния, составляющего уголовное правонарушение (Kuznetsova, Tyazhkova, 2002). Здесь мы тоже вынуждены сделать замечание, нет норм Особенной части, есть статьи Особенной части, строение которых может быть и не трехчленным, поскольку это не норма. Нормы уголовного права, как правило, описаны одновременно как в статьях Общей, так и Особенной части.

3. Уголовно-правовая норма состоит из гипотезы, диспозиции и санкции: в гипотезе содержатся условия действия нормы, диспозицией устанавливается правило поведения, а санкцией – меры ответственности за нарушение нормы; нормы Общей части могут состоять также только из гипотезы и диспозиции или даже только из диспозиции (нормы-определения) (Komissarov, 2005). Следует уточнить, что так называемые нормы-определения на самом деле являются статьями УК РФ, содержащими определения, и, в свою очередь, представляют собой структурный элемент нормы Уголовного права. Сами по себе они никакого правила поведения не устанавливают.

4. Нормы уголовного закона состоят из гипотезы (которая в уголовно-правовой теории обычно называется диспозицией), которая описывает условия применимости данной нормы, и санкции, а их диспозиция (устанавливающая правила поведения), как правило, лишь предполагается в уголовном законе: это внешнее по отношению к нему правило поведения или норма морали, которую государство считает нужным охранять в уголовно-правовом порядке (Brainin, 1967). Здесь следует заметить, что в действительности существуют нормы уголовного закона, но нет норм Общей или Особенной части УК. Структурным элементом УК РФ следует считать статьи. При этом нормы уголовного права рассредоточены в различных статьях Общей и Особенной части УК.

При попытке понять логику предлагаемых конструкций уголовно-правовых норм, особенно двучленных или одночленных, применительно к логике классической трехчленной нормы («если..., тогда..., иначе...»), становится очевидно, что она весьма своеобразна и уводит далеко от понимания практически необходимой конструкции норм уголовного закона.

Если норма уголовного права – это правило поведения, которое содержится в статьях как Общей, так и Особенной части УК, то к ней вполне подходит классическая трехчленная структура. При этом гипотеза уголовно-правовой нормы, т.е. условия, при которых будет работать правило, обычно и в основном описывается в статьях Общей части; диспозиция и санкция, т.е. само правило поведения и последствия за его нарушение описываются обычно и в основном в статьях Особенной части. Необходимо отметить специфику описания диспозиции уголовно-правовой нормы: ее правило описывается от противного. То есть правилом в действительности является несовершение тех действий, которые указаны в диспозиции.

Таким образом, мы заостряем внимание на том известном обстоятельстве, что есть норма, а есть способы ее законодательно-го закрепления; уголовно-правовая норма

всегда описывается совокупностью практически всех положений, изложенных в статьях Общей части и положений Особенной части, изложенных нередко в нескольких статьях. Никто не будет отрицать тот факт, что, квалифицируя деяние как конкретное преступление, предусмотренное статьей Особенной части УК РФ, мы одновременно применяем такие положения уголовного закона, как, например, задачи, принципы, основания уголовной ответственности, возраст уголовной ответственности, вина и т.д. А кроме того, мы осуществляем при этом и разграничение с другими составами преступлений, используем примечания из других статей Особенной части. Вся эта совокупность положений и есть уголовно-правовая норма. Значит, получается, что нет норм Общей и Особенной части. Есть нормы уголовного права, состоящие из положений Общей и Особенной части.

Это достаточно сложное обстоятельство обязывает нас исследовать, понять устройство и условия эффективности уголовно-правовой нормы, опираясь на системный подход.

Мы всецело разделяем общепризнанное положение о том, что уголовное право охраняет общественные отношения. Существует, таким образом, некая совокупность упорядоченных критически важных общественных отношений, а нормы уголовного права поддерживают их состояние упорядоченности посредством угрозы или реального наказания за посягательства на установленный порядок.

Исходя из этого, практически каждый вид критически важного общественного отношения нуждается в уголовно-правовой охране. Чтобы обеспечить адекватную и полную защиту этих общественных отношений, мы должны применительно к каждому сформулировать конкретную цель (задачу), решение которой позволило бы реализовать охрану, то есть сформировать так называемое дерево целей. В УК РФ такое дерево целей практически присутствует и выражено в названиях разделов, глав и статей Особенной части. К сожалению, данные названия обычно не явно форму-

лируют цели, а зачастую и вовсе не содержат необходимого описания, что влечет их произвольное определение правоприменителем. Например, довольно трудно определить цель, а соответственно, и общественное отношение, находящееся под охраной уголовно-правовой нормы, когда название статьи Особенной части УК практически совпадает с текстом ее диспозиции, в частности – ст.ст. 228, 228¹ УК РФ.

Цель является системообразующим элементом (Gaides, 2005). Все остальные необходимые элементы как бы притягиваются целью и организуются ей. Таким образом, каждая поставленная законодателем цель в Особенной части УК РФ требует от нас сформировать механизм, конструкцию, которые смогли бы ее реализовать. Подобная конструкция в терминологии общей теории систем, собственно, и есть сама система, а в терминологии права – это уголовно-правовая норма.

Таким образом, уголовно-правовая норма – это система, она обладает свойствами системы. И это логично, поскольку весь мир – это большая система и состоит она из множества подсистем (Averyanov, 1985).

Выявленное обстоятельство, при том условии, что мы владеем положениями общей теории систем (Averyanov, 1985; Gaides, 2005; Peregudov, Tarasenko, 1989), дает нам уникальный инструментарий для построения эффективных уголовно-правовых норм и верного толкования существующих. Остается понять, как устроена система уголовно-правовой нормы. Практически это значит, что нам необходимо представить положения, описанные в статьях УК РФ, на основе функциональной модели системы.

Будет справедливым отметить, что ряд ученых-правоведов уже предпринимали попытки исследовать уголовное право как систему, но их результаты, как можно судить по существующим источникам, не содержат решения обозначенной нами проблемы (Boyko, 2008; Denisova, 2018; Poniatovskaya, 2011).

В нашем случае функциональную систему (Gaides, 2005) уголовно-правовой

нормы можно представить следующим образом: название нормы – цель, диспозиция – блок управления, санкция – блок исполнения. Блок управления подчинен цели, блок исполнения – блоку управления. Таким образом, признаки диспозиции должны быть сообразными названию нормы (непосредственному объекту преступления); санкция должна соответствовать общественной опасности посягательства и личности преступника.

У любой системы есть вход и выход. На вход уголовно-правовой нормы поступает общественно-опасное деяние; на выходе мы получаем точную квалификацию преступления и справедливое наказание. Эффективность системы прямо зависит от качества достижения цели (Gaides, 2005). Качество охраны непосредственного объекта, таким образом, определяет эффективность уголовно-правовой нормы. Причины неэффективности нормы, таким образом: ложный объект преступления, произвольное описание признаков диспозиции, нецелесообразность санкции. Эффективность системы нормы прямо зависит от точности квалификации преступления и справедливости наказания.

Таким образом, закономерности, обеспечивающие эффективность системы, указывают нам возможные направления совершенствования уголовно-правовой нормы или правила ее конструирования с той целью, чтобы оказывать эффективное разрушительное воздействие на систему преступления.

Продemonстрируем практическую ценность наших размышлений на конкретных примерах. Начнем с вопросов определения (описания) цели уголовно-правовой нормы.

Возьмем ст. 228 УК РФ. Название практически идентично диспозиции – определить цель уголовно-правовой нормы из текста закона весьма затруднительно. В теории же уголовного права обычно утверждают, что объектом состава данного преступления выступает «легальный оборот наркотиков». Но преступник, совершая подобное преступление, не хочет причинить вред данному объекту, его цель (цель

системы преступления) – немедицинское потребление наркотиков, т.е. для получения удовольствия, которое ведет к деградации и смерти. Соответственно, целью рассматриваемой нормы, в контексте видового объекта – «здоровье населения», должно быть «медицинское потребление наркотиков». Казус, таким образом, в том, что есть норма, но она охраняет не то, чему реально причиняется вред преступлением. Критически важное общественное отношение не находится под уголовно-правовой охраной, а оконченное общественно-опасное деяние остается ненаказуемым – если наркоман успевает употребить приобретенный наркотик, его невозможно привлечь к уголовной ответственности.

Другой пример – ч. 1 ст. 301 УК РФ. Имеем подобную же ситуацию с названием статьи, оно практически совпадает с диспозицией. В литературе обычно утверждают, что если речь идет о незаконном задержании, соответственно, норма охраняет «законность задержания». Реальной же целью данной нормы является обеспечение обоснованного задержания подозреваемого, т.е. задержания, как правило, преступника, и это обусловлено основаниями задержания, т.е. фактами, указывающими на причастность лица к преступлению, – если размышлять в контексте видового объекта «интересов правосудия», которые заключаются в установлении истины по уголовному делу: достоверных обстоятельств события преступления, его точной квалификации, назначении справедливого наказания. Разве следователь имеет цель нарушить формальные нормы УПК РФ – законность в процессуальном смысле – или это как-то влияет на установление истины по уголовному делу? Его цель (цель системы преступления) другая – задержать лицо, в отношении которого, согласно положениям УПК РФ, нет оснований для подозрения в совершении преступления. Иными словами, закон, по существу, указывает на непричастность лица к совершению преступления, но следователь задерживает его по своему произволу, чем и причиняет существенный вред интересам правосудия.

Еще пример – ч. 3 ст. 299 УК РФ, он особенно яркий. Названию нормы (цели системы уголовно-правовой нормы) «Незаконное возбуждение уголовного дела» прямо противоречит диспозиция, в которой указывается цель преступления (системы преступления), никак не связанная с желанием посягнуть на интересы правосудия – «воспрепятствование предпринимательской деятельности». Состав поместили не в ту главу. Какие-либо интересы правосудия здесь могут выступать только в качестве так называемого дополнительного объекта.

Рассмотрим примеры проблем диспозиции уголовно-правовой нормы, которые вскрываются представлением о ней как о блоке управления системой.

Та же ст. 228 УК РФ. Цель преступления, как мы полагаем, – немедицинское потребление наркотика, а норма предписывает наказывать только за приготовительные действия, ведущие к преступному результату.

Если взять диспозицию ч. 1 ст. 301 УК РФ «заведомо незаконное задержание», то в контексте цели нормы очевидно, что она сформулирована чрезмерно широко, отсутствуют конкретные признаки незаконного деяния, которые бы указывали о задержании очевидно не причастного к преступлению человека – высоки риски привлечения невиновных в заведомо незаконном задержании следователей – явный недостаток управления наказанием. Это же обстоятельство позволяет произвольно или избирательно возбуждать уголовные дела по признакам данного преступления, что чрезмерно перегружает вход данной нормы, в силу чего делает ее неэффективной. Законодателю следовало бы растолковать заведомую незаконность задержания как задержание подозреваемого в совершении преступления без основания, предусмотренного УПК РФ (Baburin, Surikhin, 2004).

Приведем примеры проблем санкций уголовно-правовых норм (блока исполнения), вскрываемых системным подходом.

Напомним, санкции должны исключать возможность достижения преступных целей, лишая преступление всякого смысла.

А теперь давайте задумаемся, какой вид наказания из предусмотренных соответствующими санкциями способен лишить целесообразности преступления, предусмотренного, например, ст.ст. 228, 228¹, 290 УК РФ? Дело в том, что: наркомания практически неизлечима в подавляющем большинстве случаев; прибыль в наркобизнесе, который обеспечивается на уровне государств, больше, чем в торговле углеводородами; доход от взяток перекрывает любую «амортизацию», часто делает саму уголовную ответственность нереализуемой. Требуемого адекватного вида наказания нет в санкциях указанных уголовно-правовых норм. Таким образом, цели приведенных уголовно-правовых норм не реализуются. Несколько ниже мы подробнее рассмотрим данные примеры.

С другой стороны, если говорить о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 301 УК РФ, то любой из возможных видов наказания (ограничение свободы, принудительные работы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, арест, лишение свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью) по отношению к конкретному преступлению вероятно чрезмерен, поскольку исключает продолжение службы в правоохранительных органах. Подобные преступления совершаются, как правило, наиболее опытными (читай – ценными) сотрудниками в период кризиса их профессионального становления – при определенных обстоятельствах достаточно было бы наказание, подобное «ограничению по военной службе», например, ограничение по службе в правоохранительных органах.

Последние примеры дополнительно демонстрируют проблематику санкций уголовно-правовых норм в части назначения наказания за совершаемые преступления, т.е. выходов систем уголовно-правовых норм. Суть ее заключается в том, что за преступление назначается наказание, которое обычно оценивается такими критериями как справедливость, строгость,

но не целесообразность. Назначаемое наказание не связывают с эффективностью уголовно-правовой нормы, потому что не воспринимают ее как систему, у которой есть конкретная цель. Возникает иллюзия возможности произвольного назначения наказания.

Таким образом, неэффективность уголовно-правовой нормы – это ее недостаточная системность (Gaides, 2005). Одни уголовно-правовые нормы в полной мере представляют собой систему и являются эффективными, другие соответствуют представлениям о системе благодаря сложившейся судебной практике или научному толкованию, но есть уголовно-правовые нормы, которые содержат системную ошибку (Surikhin, 2019), системой не являются – такие нормы неэффективны, часто называются «нерабочими».

III. Система наказаний. Логика исторического развития уголовного законодательства дает основание предположить, что повторяющиеся элементы системы уголовно-правовой нормы в части наказания законодателем были постепенно обобщены и конструктивно выделены в отдельный уголовно-правовой институт – уголовное наказание, была сформулирована, таким образом, и «система наказаний» (Tarbagaev, 2016). С позиций законодательной техники это оправдано и практически удобно.

Современный законодатель уже ставит нормы Особенной части УК РФ в прямую жесткую зависимость от системы наказаний. И следующая наша задача в настоящей работе – понять, насколько институт уголовного наказания отвечает представлениям о системе, а соответственно, и эффективен. Позволяет ли он системам уголовно-правовых норм быть адекватными системам преступлений? Уголовно-правовые нормы должны зависеть от института уголовного наказания либо наоборот?

Принято считать, что система наказаний – это перечень видов уголовных наказаний, изложенных по мере увеличения их строгости (Tarbagaev, 2016). Но как мы уже понимаем, перечень не может быть систе-

мой, система должна иметь цель, управление, органы исполнения, вход, выход, связи между этими элементами (Gaides, 2005; Surmin, 2003). Перечень видов наказаний, указанный в ст. 44 УК РФ, такой совокупностью признаков не обладает.

Тем не менее ст. 43 УК РФ определяет цель наказания, ст. 14 содержит понятие преступления, через которое, как мы представляем, осуществляется управление наказанием. Статья 44 УК РФ описывает органы исполнения системы. Вход системы наказаний – общественно-опасное поведение, выход – общественно-полезное поведение.

Эффективность системы наказаний будет зависеть от степени реализации ее цели (Sverchkov, 2017).

Предложенное представление о системе уголовных наказаний позволяет обнаружить теоретические и законодательные ошибки. Опишем некоторые из них, явные.

1. Е. А. Каданева, будучи заложником классификации наказания по мере его строгости, считает лишение свободы единственным эффективным наказанием (Kadaneva, 2017). Мы считаем, что наказание должно классифицироваться по мере эффективности достижения целей системы наказания, способности исключать целесообразность общественно-опасного поведения. Например, с 2007 г. резко сокращается уровень преступности на фоне широкой практики применения наказаний в виде штрафа, исправительных и обязательных работ (Surikhin, 2015).

2. Если наказание не зависит от преступления, то оно может определяться произвольно и независимо от положений УК РФ (Zvonov, 2017), но это неправильно, поскольку за каждое преступление должно быть предусмотрено в УК РФ наказание, которое блокирует достижение цели системы преступления. Подобное обстоятельство особенно важно, поскольку существенным признаком преступления является сам преступник (Martsev, 2006). В отношении вора эффективным будет штраф, для наркомана только лишение свободы, для третьего –

лишение права заниматься определенным видом деятельности.

Преступление в системе наказаний изначально обеспечивает подбор эффективных видов наказаний.

3. Анализ входа и выхода системы наказаний позволяет заключить, что для отдельных категорий преступников сегодня нет адекватного наказания.

4. Обратная связь выхода и цели системы наказания позволяет корректировать наказание. В противном случае, без обратной связи, механизм уголовно-правовой охраны исключает эффективность системы наказания.

Рассмотрим некоторые примеры. За получение взятки сегодня нет эффективного наказания, а им могла бы быть конфискация имущества (Vytko, 2018), но законодательно эта проблема не решается. Для справедливости стоит отметить, что отчасти решение проблемы реализуется через штраф (Nechepurenko, 2017), но это, как мы понимаем, полумера.

Другая проблема. В современных условиях даже лишение свободы не способно предотвратить противоправное поведение наркомана (Egorova, 2017). Но в ст. 44 УК РФ изначально нет эффективного вида наказания для нашего случая. Возможно, что таким наказанием был бы особый вид принудительных работ в экстремальных условиях, когда внешняя среда в приоритет ставила бы наркоману другие цели, например, связанные с элементарным физическим выживанием – работы в лесу или в условиях Крайнего Севера, т.е. когда нужно самому заботиться о своей жизни, а употребление наркотика равносильно смерти. В общем, это могут быть даже и не принудительные работы, а деятельность по жизнеобеспечению.

Есть проблемы и другого характера. Чуть раньше мы описывали недостатки наказания за заведомо незаконное задержание (ч. 1 ст. 301 УК РФ) – слишком уж чрезмерны виды наказания, предусмотренные санкцией данной нормы. Но и система наказаний также не содержит соответствующего вида наказания этому преступлению.

Таким образом, система наказаний, обладая недостаточной системностью, не в полной мере реализует собственные цели и, как следствие, иногда блокирует достижение целей систем уголовно-правовых норм.

Заключение. Таким образом, концептуальный анализ проблем эффективности уголовно-правовой нормы позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Современное теоретико-практическое понимание наказания представляется не системным, что практически блокирует его эффективность и особо остро проявляется в части наказания за отдельные виды преступлений, примеры которых приведены в работе.

2. Перечень видов наказаний в ст. 44 УК РФ сегодня определен в значительной степени произвольно, в отрыве как от целей системы наказания, так и от целей систем уголовно-правовых норм. Наказание должно лишать смысла совершения конкретного преступления в текущей социальной среде, в результате чего будут достигаться цели наказания и, как следствие, решаться задачи, стоящие перед УК РФ.

Однако уголовное наказание является, так называемым последним доводом, своего рода «хирургическим» вмешательством. Изначально все-таки не оно предназначено обесмысливать совершение преступления. Это должны делать различные социальные институты, стимулирующие правомерный способ достижения жизненных целей. Цель наказания в своей основе – предупреждение рецидива в широком смысле, предупреждение повторения совершения новых преступлений, в том числе и неосторожных. В системе общественных отношений должна быть, и существует фактически, матрица (семья, школа, ВУЗы, трудовые коллективы, спортивные, волонтерские организации и т.п.), формирующая социально полезное поведение, а уголовно-правовая норма и наказание, которое она предусматривает, являются только элементом, подсистемой этой матрицы.

3. Наказание ошибочно оценивать его строгостью, тяжестью вида и размера (сро-

ка) лишений и ограничений прав и свобод осужденного, что мешает достижению адекватности его применения. Наказание должно дифференцироваться по признаку эффективности применительно к конкретному виду преступления и преступнику.

4. УК РФ 1996 г. сделал большой шаг в развитии перечня видов наказаний, уголовно-правовых норм в целом, тем не менее существующая система наказаний в УК РФ не вполне отвечает реальным потребностям развития государства и общества. УК РФ как подсистема недостаточно эффективно работает на внешнюю систему, которая его создала для себя. Изменяется социальная среда (или ее кто-то изменяет), она затем изменяет сознание и потребности человека. Поэтому должны своевременно и адекватно изменяться уголовно-правовые нормы, система наказаний, что, к сожалению, происходит не всегда. Социальная система (и ее подсистемы) должна развиваться, иначе она может начать деградировать, разрушаться.

5. Современное информационное общество требует, чтобы приоритеты уголовного наказания были пересмотрены в сторону обеспечения более мощного государственного принудительного воздействия на преступников как элементов системы преступления, на носителей целеполагания и управления, которые неоправданно остаются в тени рядовых исполнителей преступления.

6. Совершенствование системы наказаний концептуально должно начинаться с системного моделирования конкретного преступления, развиваться в системное моделирование уголовно-правовой нормы, завершаться системным моделированием наказания. При этом система уголовно-правовой нормы призвана разрушать систему преступления, а система наказаний должна не мешать это делать, а позволять, способствовать решению задач УК РФ. Так будет обеспечиваться и усиливаться эффективность уголовно-правовых норм.

7. Описанный цикл должен повторяться по мере необходимости (при снижении эффективности уголовно-правовой охраны

отдельных наиболее важных общественных отношений), по мере видоизменения внешней системы, т.е. системы фактически существующих общественных отношений.

При этом для верного понимания существа дела хочется еще раз напомнить,

что наказание – далеко не основной инструмент общего предупреждения преступлений. Эта цель у наказания фактически стоит на периферии, достигается попутно с его основной целью – частным предупреждением.

Список литературы / References

Averyanov, A. N. *Sistemnoye poznanie mira. Metodologicheskiye problemy [Systemic knowledge of the world. Methodological problems]*. Moscow, 1985, 263 p.

Baburin, V. V. *Sistema sovremennogo ugovnogo prava [The system of modern criminal law]*. Omsk, Omskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2015, 140 p.

Baburin, V.V., Surikhin, P.L. *Nezakonnoye zaderzhaniye: ugovno-pravovoy i ugovno-protsessual'nyy aspekty [Illegal detention: criminal-legal and criminal-procedural aspects]*. Krasnoyarsk, 2004, 196 p.

Boyko, A.I. *Sistemnaya sreda ugovnogo prava [The systemic environment of criminal law]*. Moscow, 2008. 59 p.

Brainin, Ia. M. *Ugovnyy zakon i yego primeneniye [Criminal law and its application]*. Moscow, 1967, 344 p.

Bytko, S. Iu. *Effektivnost' predupreditel'nogo vozdeystviya ugovnogo nakazaniya na prestupnost': teoreticheskiy i prikladnyy aspekty [The effectiveness of the preventive impact of criminal punishment on crime: theoretical and applied aspects]*. Saratov, 2018, 48 p.

Gaides, M. A. *Obshchaya teoriya sistem (sistemy i sistemnyy analiz) [General theory of systems (systems and system analysis)]*, 2005, available at: <http://www.xaoc.ru>.

Denisova, A. V. *Sistemnost' rossiyskogo ugovnogo prava: teoriya, zakon, praktika [Consistency of Russian criminal law: theory, law, practice]*. Moscow, 2018, 633 p.

Egorova, T. I. Opyt protivodeystviya rasprostraneniyu narkoticheskikh, sredstv, psikhotropnykh veshchestv i ikh analogov v mestakh lisheniya svobody (po materialam UFSIN Rossii po Tul'skoy oblasti) [Experience in counteracting the spread of narcotic, drugs, psychotropic substances and their analogues in places of deprivation of liberty (based on the materials of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Tula Region)]. In *Vedomosti ugovno-ispolnitel'noy sistemy [Bulletin of the penitentiary system]*, 2017, 11, 15–20.

Zvonov, A. V. Vliyaniye norm mezhdunarodnogo prava na formirovaniye instituta sistemy ugovnykh nakazaniy: kratkiy analiticheskiy obzor [The influence of international law on the formation of the institution of the system of criminal penalties: a brief analytical review]. In *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Vladimir Law Institute]*, 2017, 3, 75–82.

Kadaneva, E. A. Elementy sistemy ugovnykh nakazaniy: voprosy zakonodatel'nogo konstruirovaniya i prakticheskogo ispolneniya [Elements of the system of criminal penalties: issues of legislative design and practical implementation]. In *Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute]*, 2017, 1, 42–46.

Kuznetsova, N. F., Tyazhkova, I. M. *Kurs ugovnogo prava. Obshchaya chast'. Tom 1: Ucheniye o prestuplenii [Course of criminal law. A common part. Volume 1: The doctrine of crime]*. Moscow, 2002, 522 p.

Nechepurenko, A. A. Destruktivnyye protsessy v sisteme ugovnykh nakazaniy Rossii i podkhody k ikh preodoleniyu [Destructive processes in the system of criminal penalties in Russia and approaches to overcoming them]. In *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2017, 2, 3–11.

Peregudov, F.I., Tarasenko, F.P. *Vvedeniye v sistemnyy analiz [Introduction to system analysis]*. Moscow, 1989, 361 p.

Podroikina, I. A. Ponyatiye sistemy ugovolnykh nakazaniy s pozitsii obshchey teorii sistem [The concept of the system of criminal punishments from the position of the general theory of systems]. In *Yurist-Pravoved [Lawyer-Pravoved]*, 2018, 2, 132–136.

Poniatovskaya, T. G. Problema kachestva ugovolno-pravovoy okhrany [The problem of the quality of criminal law protection]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo [Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law]*, 2011, 3, 83–86.

Komissarov, V. S. *Rossiyskoye ugovolnoye pravo. Obshchaya chast' [Russian criminal law. General]*. St. Petersburg, 2005, 532 p.

Sverchkov, V. V. The system of goal-setting in the appointment, execution of criminal penalties: justification and development prospects [Sistema tselepolaganiya pri naznachanii, ispolnenii ugovolnykh nakazaniy: obosnovaniye i perspektivy razvitiya]. *III Mezhdunarodnyy penitentsiarnyy forum «Prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye» [III International Penitentiary Forum “Crime, Punishment, Correction”]*. Ryazan, 2017, 83–86.

Surikhin, P. L. Signs of a crisis in the system of criminal punishments [Priznaki krizisa sistemy ugovolnykh nakazaniy]. *Yeniseyskiye politiko-pravovyye chteniya [Yenisei political and legal readings]*. Krasnoyarsk, 2019, 170–175.

Surikhin, P. L. System error in criminal law: the concept of essence [Sistemnaya oshibka v ugovolnom prave: ponyatiye sushchnost']. *Aktual'nyye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki [Actual problems of combating crime: issues of theory and practice]*. Krasnoyarsk, 2019, 190–193.

Surikhin, P. L. Ugolovnoye pravo, kak instrument, formiruyushchiy zakonomernosti obshchestvennykh otnosheniy: na primere sotsial'nykh makro- i mikroprotsessov [Criminal law as a tool that forms the patterns of social relations: on the example of social macro- and microprocesses]. In *Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii [Library of Criminal Law and Criminology]*, 2015, 3, 58–65.

Surikhin, P. L. Criminal law as a system [Ugolovno-pravovaya norma kak sistema]. *Yeniseyskiye politiko-pravovyye chteniya [Yenisei Political and Legal Readings]*, Krasnoyarsk, 2020, 342–350.

Surikhin, P. L. Prestupleniye: funktsional'naya model' sistemy [Crime: functional model of the system], In *Severnyy region: nauka, obrazovaniye, kul'tura [Northern region: science, education, culture]*, 2021, 1 (47), 26–28.

Surmin, Iu. P. *Teoriya sistem i sistemnyy analiz [Theory of systems and system analysis]*. Kyiv: MAUP, 2003, 368 p.

Rarog, A. I. *Ugolovnoye pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya [Criminal law of Russia. Parts General and Special]*. Moscow, 2008, 652 p.

Martsev, A. I. *Ugolovnoye pravo Rossiyskoy Federatsii: Obshchaya chast' [Criminal law of the Russian Federation: General part]*. Moscow, 2006, 408 p.

Tarbagaev, A. N. *Ugolovnoye pravo. Obshchaya chast' [Criminal law. General part]*. Moscow, 2016, 448 p.